

Белый Андрей Николаевич

Мастерство Гоголя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
Н63

Н63 **Николаевич Б.А.**
Мастерство Гоголя / Белый Андрей Николаевич – М.: Lennex Corp, — Подго-
товка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 353 с.

ISBN 978-5-521-98250-9

Белый, Андрей (1880–1934). Мастерство Гоголя : исследование / Андрей
Белый. — Москва ; ОГИЗ ; Ленинград : Гос. изд-во худож. лит., 1934. — XV,
321 с., 13 л. ил.; 23 см.

ISBN 978-5-521-98250-9

© Lennex Corp, 2026
© Б.А. Николаевич, 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

К ТЕКСТУ КНИГИ

Моя книга — сплетенье дитат, иногда их ракурсов (в свободной редакции); в таком случае в скобках я делаю ссылку на заглавие дитируемого или излагаемого произведения; чтобы не увеличить на треть размер книги, я вынужден сокращать заглавия произведений, на которые я часто ссылаюсь.

Список сокращений сочинений Гоголя

- «Вечера на хуторе близ Диканьки» — «Веч.»
- «Предисловие к первой части «Вечеров» — «Пред. I»
- «Предисловие к второй части «Вечеров» — «Пред. II»
- «Сорочинская ярмарка» — «СЯ»
- «Вечер накануне Ивана Купала» — «ВНИК»
- «Майская ночь» — «МН»
- «Пропавшая грамота» — «ПГ»
- «Ночь под Рождество» — «НПР»
- «Страшная месть» — «СМ»
- «Иван Федорович Шпонька» — «ШП»
- «Заколдованное место» — «ЗМ»
- «Миргород» — «Мирг»
- «Тарас Бульба» — «ТБ»
- «Вий» — «В»
- «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — «ОТ»
- «Нос» — «Н»
- «Портрет» — «П»
- «Шинель» — «Ш»
- «Коляска» — «К»
- «Старосветские помещики» — «СП»
- «Записки сумасшедшего» — «ЗС»
- «Рим» — «Р»
- «Невский проспект» — «НП»
- «Ревизор» — «Рев»
- «Театральный разъезд» — «ТР»
- «Женитьба» — «Ж»
- «Игроки» — «Игр»
- «Лаксиская» — «Лак»

«Театральные отрывки» — «ТО»
«Мертвые души». Том первый — «МД»
«Мертвые души». Том второй — «МД, 2»
«Выбранные места из Переписки» — «Пер»
«Исповедь» — «Исп» .:

Другие сокращения:

«Серебряный Голубь» (А. Белого) — «СГ»
«Петербург» (А. Белого) — «Пет»
«Мелкий бес» (Сологуба) — «МБ»
«Двойник» (Достоевского) — «Дв»
«Хозяйка» (Достоевского) — «Хоз»
Гоголь — Г.
Достоевский (в главке «Гоголь и Достоевский») — Д.
Белый (в главке «Гоголь и Андрей Белый») — Б.
Блок (в главке «Гоголь и Блок») — Б.
Сологуб (в главке «Гоголь и Сологуб») — С.
Маяковский (в главке «Гоголь и Маяковский») — М.
Мейерхольд (в главке «Гоголь и Мейерхольд») — М.

НА ОТВ.

ПУШКИН И ГОГОЛЬ

Гоголь имеет право на равное место с Толстым и Достоевским. Преимущество его в том, что он первый: по времени. Наши поэты прекрасно владели прозой. Но проза Пушкина и Лермонтова не центральна для делого их творений. Пушкин-прозаик ясен и сдержан; он показывает, что может сделать с языком стилист, выросший на классиках, если захочет привить «отечественной» литературе приемы ей доселе чуждой культуры.

Между поэзией и прозой Пушкина есть-таки грань. Не идите в ней лирики и драматик; она — великолепна; она — умна, но... как... «проза». В «Полтаве», в «Медном всаднике» Пушкин иначе оформляет образы; там он — у себя дома; с его пера срываются и вольные шутки, и драматические признания; до ощущения отсутствия формы он не стеснен сюжетом; в этом его победа над формой.

Пушкин-прозаик скован обязанностью: написать рассказ; человека, отдавшегося излияниям, оторвали от круга друзей, внезапно вызвав по спешному делу; и вот он докладывает, выйдя в другую комнату, скрупулезно изученное им дело, поражая сдержанностью безукоризненных выражений дипломатической речи, в которую не ввержена вся душа; такова холодноватая фраза Пушкина; в лирике она дружески открыта; в прозе закрыта; там ему читатель — друг; здесь — посторонний; переменился состав не слушателей: переменились комнаты: домашняя на парадную.

Так отличен способ изложения «Пиковой дамы» от «Медного всадника».

Лермонтов в прозе и красочней, и интимней, ставя перед нами Печорина; но и он паузой молчания проходит по тем местам течения, где он открыт в своих стихах.

Не то — Гоголь.

Весь размах лирики, данный ритмами, от которых себя отвлекает в прозе Пушкин, вложил Гоголь в прозу, заставляя вздрагивать, как струны, вытянутые свои строки, дающие звук ассонансов и аллитераций. До него попытки в этом роде не увенчивались успехом: лирика Карамзина охладела для нас; Марлинский нам и вовсе не нужен. Гоголь же и волнует, и удивляет нас через сто лет; и это есть факт им осуществленной победы, граничащей с революцией нашей словесности.

«Мертвые души» — дела эпоса, раздвигающая границы эпоса. В эпосах древности сохранен отзвук еще допотопических, синкрети-

ческих форм, не сохранившихся в эпических формах позднейшего времени. И до Гоголя — нет эпических форм в прозе; как нет и в формах широкоохватности. Форма Гоголем взята в прозу; жизнь эпохи — в поэзию; эпоху подчеркивает Гоголь, как отдельную от форм форму. Гоголь — сама эпоха прозы, поскольку в ней русский народный язык взял жизнь в «литературу и только»; «штиль» мелкопоместного дворянина, сниженного в меццанстве, высокопарнца канцеляриста и грубая смачность семинариста им впаены вместе с местными народными говорами в литературную форму; Пушкин еще посылал учиться языку у просвирен; Гоголь из этого именно языка извлек оттенки непередаваемой звучности. Там, где были местные и сословные языки, стал «язык языков», гибкий в оттенках перехода: от наречия к наречию. И новый язык зажег жизнь в лучших наших прозаиках-классиках. Переродилось самое понятие «проза»; и русская литература заняла первое место в мировой.

Толчок к тому — в Гоголе.

Творения Гоголя имеют одну особенность: анализ сюжета, тенденции, стиля их являет имманентность друг другу: сюжета, тенденции, стиля; тенденции — красочна; краска — осмысленна; словесные особенности обусловлены стилем мысли; видишь, как форма и содержание рождены формосодержательным процессом; социальное содержание движет процессом; форма и содержание, — продукты процесса, — носят его печать, подобно печатям вулканической силы на мертвом камне, выпертом из подземного недр; Гоголь любил сравнения о вулкане: «Азия была народовержущим вулканом», — говорит он; в «СМ» вложен миф о потухшем вулкане, как о великом мертведе, трясущем землю.

Конвульсией, источник которой скрыт, перевернут творческий процесс в Гоголе; его сознание, ограниченное распадом социального слоя, его породившего, напоминает потухший вулкан, а его «мертвые души» — пепел и магму. Рассуждая, Гоголь осыпается пеплом; творчески действуя, воспринимает вздрог как бы огненного центра земли, пропечатывая им страсти своих «слепых» героев и наделяя их судорожным жестом, как бы вырывающим из устоев, в котором и окаменевают они; и то — действие «электрического потрясения», о котором Гоголь мечтал, когда писал «Рев»; Вздрог жеста оттого, что его «герои», продукты, не отделились от автора сотрясающего процесса, которым он так ужасался, силась прочесть в нем мандат как бы врученной ему кем-то миссии. Перевести социальный спрос на язык ему взятой тенденции Гоголь не мог.

Неуязвка меж слышимым, взятым и сделанным, отданным — нерв творчества Гоголя от «Веч» до второго тома «МД», оставшего в пламени процесса разваленным пеплом; недоосознанности первых соответствует кривая переосознанности последнего периода. Продукты Гоголя сотрясаются в Гоголе, как в процессе; и он, процесс, — сотрясается в них; отсюда атомистическая динамика жестовых переделов героев «Рев» и «МД». Неравносильные сил,

«Не беспредельны... скромные работы собирателей сырья: в качестве... введения к элементам повитической грамматики Гоголя, работа моя... не бесполезна...

Все же, что не имеет прямого отношения к... «словарию», я предлагаю рассматривать как субъективные домыслы, как окрывающие процесс работы рабочие гипотезы, легко от нее отделимые и не могущие никого смутить».

(Из первой главы.)

строящих процесс, имманентно неравновесию между формой и содержанием в творениях Гоголя; в имманентности этой само неравновесие становится равновесием особого рода, обратным равновесию Пушкина.

Опо у Пушкина — плюс, как умножение плюса формы на плюс содержания; плюс Гоголя — минус, умноженный на минус. Современники Гоголя, дивясь красочному содержанию его творений, подчеркивали дефекты слога до... неумения писать по-русски, что верно отчасти; но дерзкие победы в ритме и вся сила изобразительности, возносящая Гоголя в мировые стилисты, остались вне поля зрения даже Пушкина; подчеркивался плюс содержания при минусе формы. Обратное: многие из наших современников, с большим опытом ставя диагноз форме, столь удивляются ей, что приписывают ей исключительно то, что нам кажется сплюс содержания. Дав прекрасный анализ приемов «Ш», проф. Б. Эйхенбаум сводит к стилевому приему и вздох сострадания, извлекаемого из нас Гоголем при вскрике Акакия Акакиевича: «Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?» (Ш). Казавшееся и Пушкину минусом (форма, слог) открылось проф. Б. Эйхенбауму как величайший плюс; зато умалывается содержание повести Гоголя; глубина сюжета, например, в «Н», еще жаждущего своего социального обоснования, В. Виноградовым низведена до дешевых и ходких «носологических» каламбуров начала XIX века.

Нет дыма без огня: у Гоголя «плюс» достигаем умножением того, что кажется минусом формы, на то, что кажется минусом содержания; и это потому, что форма и содержание даны у Гоголя в диалектике, меняющей плюсы на минусы; и — обратно: та и другое текут в формосодержательном процессе от «Веч» к «МД»; в последнем периоде звучные приемы «Веч» разложены в их умерщвляющую тенденцию, значимость которой открываема опять-таки не с фаса, а, так сказать, с черного хода.

Прозаические произведения Пушкина замкнуты; автор, написав каждое, ставит его, как статуэтку, пред нами; и переходит к следующему. Гоголь обрывает продуктами своего творчества, как организм, питающий свои ногти, которые он держит на себе, хотя они и срезаемы без ущерба; они, и отданные читателю, никогда не могут закончиться, ибо законченность их — не они сами, а целое питающего организма, который — творческий процесс; в нем включены продукты творчества с жизнью Гоголя так, что с изменением жизненных условий менялись в Гоголе они; и отсюда перемарки, новые редакции, фрагменты, оставшиеся недоработанными, и перевоплощение персонажей и тем из одной повести в другую; и наконец вечная трагедия: воплощенное не воплощаемо в новый этап сознания: исключение из плана собрания сочинений «Веч» и двукратное сожжение «МД».

Производственный процесс Гоголя подобен циркуляции крови, омывающей отдельные органы; струя ее, пробежав сквозь все, не «творена» ни с одним; отсюда неравновесие формы и содержания,

которые — в постоянном споре корней и ветвей крыловской басни кажется преобладающим то одно, то другое; это — пульсация; тезис — арис; делостность — в стиле ритма, не воплощенном нигде.

У Пушкина единство формы и содержания дано в форме; у Гоголя единство формы и содержания дано в содержании; эта форма у Пушкина — отдельность произведения; здесь Пушкин ~~двигает~~ замыкающий бытие произведения в круг; и это содержание у Гоголя — целое всего процесса творчества, символом которого стала единственность задания ненаписанных томов «МД»; в разбитии форм в размыкании круга бытия одного произведения Гоголь — геральдический, окваченный огненным вихрем, в котором так сгорел ~~и~~ «МД», когда алчущее самосознание этого стихийного творчества осознало себя в «д» Гоголя; и в нем — угадало.

Стереотип прозаической фразы Пушкина: она — коротка; она точками отделена от соседних: существительное, прилагательное, глагол, точка; строй таких фраз подобен темперированному строю Баха. У Гоголя фраза изорвана, разметанная осколками придаточных предложений, подчиненных главному, соподчиненных между собой нарушено равновесие между существительным, прилагательным, глаголом; вместо «1 + 1 + 1» — например, «3 + 1 + 5»: «взглянул... на листики, на мужиков, которые... когда-то... работали, пахали, пльнотбовали, извозничали, обманывали» (2 существительных, 5 глаголов); или: «черотво, неотесанно, неладно, нестройно, нехорошо...» (5 наречий) и т. д. Но для фразы Гоголя не типична и периодическая речь: «когда..., когда..., когда..., тогда»; в готическом периоде Карамзина на придаточных «когда — когда», как на стрелчатых дугах, возносится вверх главное предложение; Гоголем разорван период Карамзина; ряд придаточных предложений становится побочными главными; но строй их образует — целое повторов.

Вместо дорической фразы Пушкина и готической фразы Карамзина — асимметрическое барокко, обставленное колоннадой повторов, вызывающих к фразировке и соединенных дугами вводных предложений с вцепленными над ними восклицаниями, подобными лепному орнаменту. Но и короткая фраза Пушкина, как составная часть стиля, имеет тут место, подобно пустому простенку между горельефными вцеплениями; как то: «небо только краснеет на одной стороне. И оно уже тускнет. В поле становится холодной» (ВНИК); но имеет место и период Карамзина, например, в «Р».

Основа же речевого стиля — изрыв периода; и — неравновесие фразы, блещущей дерзостью неологизмов, у Пушкина *еще* редких, и тяжестью архаизмов, у Пушкина *уже* редких. Состав слов у обоих стилистов разительно отличен; словарь Пушкина — словарь высокообразованного интеллигента, некогда более владевшего французским, чем русским, но много потрудившегося (в отдах и дедах), чтобы привить галльскую гладкость речи нашему литературному языку, дать ему русскую интонацию; и этим обогатить. Усилие увенчалось полным успехом; труды — длились столетие; и — при одной грамматической ошибке против хорошего языка, что Пушкин ста-

ГИПЕРБОЛА

ПЕРИОД...

КОГДА...

ТОГДА...

ТОГДА...

ТОГДА...

ВОСПЛИЩЕНИЕ

ОБРЫВ

ОБРЫВ

КО ЛОНКИ —

ПОВТОР

В

О

Н

О

Е

И ОТП. 8.

